

Часть первая

Большерецкий побег

1. Наша жизнь на Камчатке

— Лёнька, — сказал мне отец, — выйди-ка на двор. Если кого увидишь, стукни пяткой в порог два раза.

Я знал, что это значит: отец решил посмотреть порох, который хранился у него под кроватью в окованном железом сундучке. Поэтому, не задавая лишних вопросов, я вышел во двор и стал перед дверью.

Этот сундук с двумя пудами пороха был нашим единственным достоянием. Отец считал, что порох вернее денег, сахару, табаку. Он выменивал его где только возможно и на что возможно. И вот лет за десять накопил два пуда. От всех он скрывал своё богатство.

Один раз только, когда рыба не подошла к нашим берегам и начался голод, он отсыпал порядочный мешочек и променял его на оленью самку-нямы. Самку эту мы ели две недели, а потом подошла рыба. И ещё помню, как однажды отец собрался умирать от горячки, позвал меня и сказал едва слышно:

– Береги, Лёнька, порох – тебе его на всю жизнь хватит. Поклянись, что не будешь менять на водку, как вырастешь. И палить не будешь зря...

Обливаясь слезами, я дал клятву. Отец тогда не умер, но я запомнил мою клятву на всю жизнь: всегда относился к пороху бережливо, хоть и получил ружьё в руки с двенадцати лет. Правда, ещё задолго до этого я ходил с отцом на охоту, присматривался к его повадкам. Но с двенадцати лет я получил ружьё в собственность, охотился один и стрелял наверняка, особенно если удавалось положить дуло на что-нибудь. А палить зря мне и в голову не приходило.

Но всё-таки я не понимал бережливости отца. Мы хранили богатство в сундуке под кроватью, а сами жили скверно, не лучше камчадалов. Одевались, как и они, в оленье меха, питались главным образом рыбой. Хлеба и сахару не видали по несколько месяцев. Правда, могли бы и лучше жить, даже не тратя пороху. Но по закону каждый ссыльный должен был приносить в канцелярию начальника Камчатки пятьдесят шкурок соболей и горноста в год. А это составляло добрую половину нашей добычи. Да к тому же канцелярские чиновники и солдаты обирали нас.

Жаловаться было некому, драка с солдатами каралась смертью, и приходилось поэтому помалкивать.

Жили мы в поселении ссыльных, недалеко от Большерецка, на Камчатке. Здесь я и родился в 1756 году. Отец мой был из государственных крестьян, и звали его

Степан Иванович Полозьев. В молодости он был приписан к уральскому железному заводу Сиверса. В пятьдесят третьем году его послали рабочие как хорошо грамотного в Питер жаловаться самой царице Елизавете на хозяев. Но до Питера он не добрался, по дороге его схватили вместе с товарищем, наказали плетью и сослали на вечную ссылку в Сибирь. Из Нерчинска, где ему пришлось жить, он попытался убежать. Но его поймали, вырвали ноздри особыми щипчиками и заporоли бы до смерти, да пожалели: был он хороший кузнец, а в Сибири такие люди нужны. Только с вырванными ноздрями нерчинский начальник не захотел его держать у себя, и его погнали по Сибири дальше. Жил он и в Охотске, но и там не прижился. В конце концов оказался на Камчатке, в Большерецке. Дальше посылать было некуда — за Камчаткой началось море. Отец и остался жить в Большерецке, где скоро женился на камчадалке.

Матери своей я не помню совсем. Она умерла, когда мне было два года. Отец вынянчил меня один на звериных шкурах, выучил говорить по-русски, а когда я подрос, даже грамоте научил. Меня он очень любил и в детстве много со мной возился. Я его тоже любил, привык к его страшному лицу и считал его даже красивее других людей. С виду он был похож на айноса: ходил в старой меховой кухлянке с собачьим воротником и отрастил бороду до живота. Мысль о бегстве теперь ему уже и в голову не приходила. Стал он бережливым хозяином и всё больше молчал. Кузнечеством занимался мало, промышлял

охотой. Бил медведей, волков, а главное, мелкого зверя. Этим мы и жили, потому что отец, как осуждённый на вечную ссылку, никакого пособия от казны не получал.

По закону я был свободным человеком, но детей ссыльных тогда из Сибири не выпускали. И как наследник двух пудов пороху и двух ружей я, конечно, превратился бы в заправского охотника, тем более что я любил Камчатку с её морозами и туманами и не имел нигде больше на земле ни родственников, ни друзей. Но вышло наоборот. Камчатским охотником я не сделался, а обзавёлся знакомствами чуть ли не на всей Земле. Но об этом дальше.

Наш посёлок ссыльных находился в версте от Большерецка. Городок этот был в ту пору небольшой: сорок домов, деревянная церковь, казённый кабаk да крепость — острог. В крепости жил комендант Камчатки капитан Нилов да полсотни солдат. А в городе жили купцы-казаки, охотники. Стены у крепости были деревянные, а по углам стояли пушки. Вот и весь город. А наш посёлок был и того меньше: десяток домов вместе с сараями. Жили ссыльные без всякой охраны, потому что начальство считало, что никуда из Камчатки убежать нельзя, да и мы сами так думали.

Все ссыльные, кроме отца, были из дворян и на Камчатку попали за заговоры против цариц. Им из России присылали иногда деньги и разные вещи. Но наравне с нами они занимались охотой и рыбной ловлей.

За деньги не всегда можно было купить здесь продовольствие.

В то время, к которому относится мой рассказ, в нашем посёлке, кроме нас, жило четверо ссыльных. Трое из офицеров, а один – лекарь, немец Магнус Медер. Медер мне казался важным господином. Ходил он в круглых очках и всюду носил при себе часы. Осенью он бродил по болотам, собирал травы для лекарств. Недалеко от нас жил другой ссыльный – офицер Хрущёв. Дом у него большой, и, должно быть, был Хрущёв богатым человеком. Летом он иногда одевался как настоящий

дворянин и ходил по посёлку в белых чулках и шёлковом кафтане. Был ещё ссыльный — старый офицер Турчанинов. Его я в детстве боялся, потому что говорить он не умел, а только выкрикивал отдельные звуки да махал руками. Потом я узнал, что у него отрезана половина языка за то, что в Петербурге он изругал императрицу. На краю посёлка жил офицер Леонтьев, нелюдимый, бледный. Вечно он кутался в одеяло и редко показывался на улице.

Отец с офицерами не знался. Он считал, что и ноздри у него вырваны по офицерской милости. Всегда он обходил их дома кругом и никогда им не кланялся. За это офицеры нас просто не замечали. Да мы в этом и не очень нуждались.

У нас была маленькая изба, низкая как гроб, построенная отцом ещё до моего рождения. Была лодка-байдарка на два человека, лёгкая как листок, сделанная из ивовых прутьев и тюленьих кож. Ещё была собака Нест, порох и ружья. А больше ничего у нас не было.

Впрочем, была ещё одна вещь: книга, купленная отцом в Большерецке у какого-то канцеляриста. По книге этой я учился грамоте и знал её наизусть. Называлась она «Юности честное зерцало» и содержала в себе букварь и правила любезного поведения. Правила эти мне на Камчатке негодились ни на что, как, впрочем, и сама грамота. Ведь других книг у нас не было, и я даже не представлял себе, что из книг можно многое узнать. Если я что-нибудь и знал в то время, то только из рассказов.

Кое-что рассказывал мне мой приятель Ванька Устюжинов. Он был сыном большецерцкого попа и со слов отца просвещал меня по части Священного Писания и истории. Но Ванька сам знал мало, а что знал, то давно рассказал. Поэтому мы обыкновенно угощали друг друга рассказами собственной выдумки. Мечтали переплыть моря и погулять по чужим краям. Но что делается в этих чужих краях, мы оба не знали, как не знал и поп, Ванькин отец.

Зато о моей родине, Камчатке, я знал гораздо больше. К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один – Паранчин, родственник моей матери. Он дружил с отцом, давал ему оленей и помогал продавать меха. Был Паранчин христианином и хорошо говорил по-русски. Являлся он к нам всегда неожиданно и очень любил сообщать и узнавать новости. От него я прежде всего научился камчадальскому языку и узнал множество слов других камчатских языков. Знал, что олень называется по-якутски «орон», а по-коряцки – «элли вух».

Паранчин со слов стариков рассказывал мне, как русские покорили Камчатку и как начали истреблять камчадалов ни за что ни про что. Как потом камчадалы вместе с курилами решили отомстить русским и за это жестоко пострадали. Паранчин мне рассказывал ещё о собаках, на которых ездят зимой, о китах, о птице гаге и о мышях тегульчич. Он меня научил, как можно под землёй находить запасы этой мыши – кедровые орешки и коренья сараны. Осенью мы ходили за этими орехами и иногда приносили по пуду. Но тот же Паранчин

растолковал мне, что если унести все мышинные запасы, то тегульчич с горя повесится на раздвоенном сучке. Надо непременно оставить ей в обмен на орехи икры или ещё какой-нибудь снеди, чтобы не случилось этого несчастья. Паранчин мне рассказывал о камчатских вулканах, из которых в старину брали огонь.

Позже, когда я подрос, я стал понимать, что в словах камчадала было много и выдумки. Так, Паранчин утверждал, что зимой по горам разъезжает карлик Пихляч в санках, запряжённых белыми куропатками. Если наступишь на его след – заблудишься, замёрзнешь, непременно пропадёшь. Если же ударишь по следу ивовым прутиком, то Пихляч сейчас же явится и притащит чёрно-бурую лисицу. Однако ничего похожего никогда не случилось, хотя я брал с собой на охоту прутик и бил им по следам куропаток не один раз. Постепенно я перестал доверять Паранчину, и он из учителя превратился в приятеля. Я всегда был рад поболтать с ним, потому что отец мой был неразговорчив.

И вот теперь, когда я стоял на страже у наших дверей, я увидел вдали оленью упряжку и самого Паранчина в санях. Длинной палкой он колотил оленей по рогам, и видно было по всему, что он спешит к нам. Я стукнул в порог пяткой два раза и стал его дожидаться.

Но Паранчин на меня и не посмотрел. Бросил оленей и прямо прошёл в избу.

Я понял, что он привёз какие-то важные новости, тем более что ехал он от моря. И я вошёл в избу следом за ним.

От Паранчина сильно пахло оленьими и жиром. Он снял шапку, низко поклонился отцу, который только что успел упрятать под кровать порох. Потом закричал немного нараспев:

— Живо, Степан Иванович, собирайся, на лодке ехать надо. Корабль пришёл из Охотска ночью. Стал на Чекавке. Надо ехать добро менять.

Корабли в Большерецк приходили редко — раза три в год. А зимой совсем не приходили. Поэтому сообщение Паранчина было для нас приятной новостью: на корабле можно было обменять шкурки.

Отец закричал:

— Лёнька, забирай пяток соболей и лисицу!

Я не заставил себя упрашивать, натянул новые торбаса — меховые сапоги — прямо на голые ноги, накинул кухлянку, увязал шкурки в тюленью кишку, чтобы не промокли. Вышли из избы вместе, все трое.

Скоро мы уже возились на берегу реки Большой у нашей байдарки. Спустили её на воду, отец взялся за весло. Паранчин остался на берегу, так как в лодке было всего два места.

И вот мы поплыли по реке к её устью, которое называлось Чекавкой.

2. Новые люди

Всю осень этого, 1770 года шли проливные дожди и стояли оттепели. Поэтому Большая до конца ноября не замёрзла, хотя в прежние годы всегда покрывалась льдом к началу ноября. Ближе к Чекавке река не замерзала совсем. Там заходили с моря приливы и не давали льду устанавливаться. Когда мы выехали, был отлив и вода бурно бежала к морю. Волны подхватили лодку, и я оглянуться не успел, как вдали показалась беспокойная ширина устья и качающийся корабль. Это был «Пётр», казённый галиот, приписанный к Охотску.

Когда мы подошли к кораблю ближе, отец сказал:

— Здорово его потрепало, горемыку...

Действительно, на корабле не было задней мачты и с бортов свешивались длинные ледяные сосульки. «Пётр» имел жалкий вид, хотя пузатые борта его довольно высоко поднимались над водой.

Мы подошли к кораблю вплотную и стали выискивать, где бы можно подняться. С борта болтался узловатый канат. Я уцепился за него и стал карабкаться на корабль. Отец остался в лодке: ему как ссыльному запрещалось входить на морские суда.

На палубе ничего нельзя было разобрать. Мачта была сломана, и обледенелые снасти перепутались. Трудно было пройти, чтобы не упасть. У борта матрос в полушубке рубил лёд топором.

Он заметил меня и закричал:

— Ты откуда взялся?

— Из Большерецка.

Посмотрел на меня пристально:

— Ты что, курил?

— Я не курю, — ответил я серьёзно.

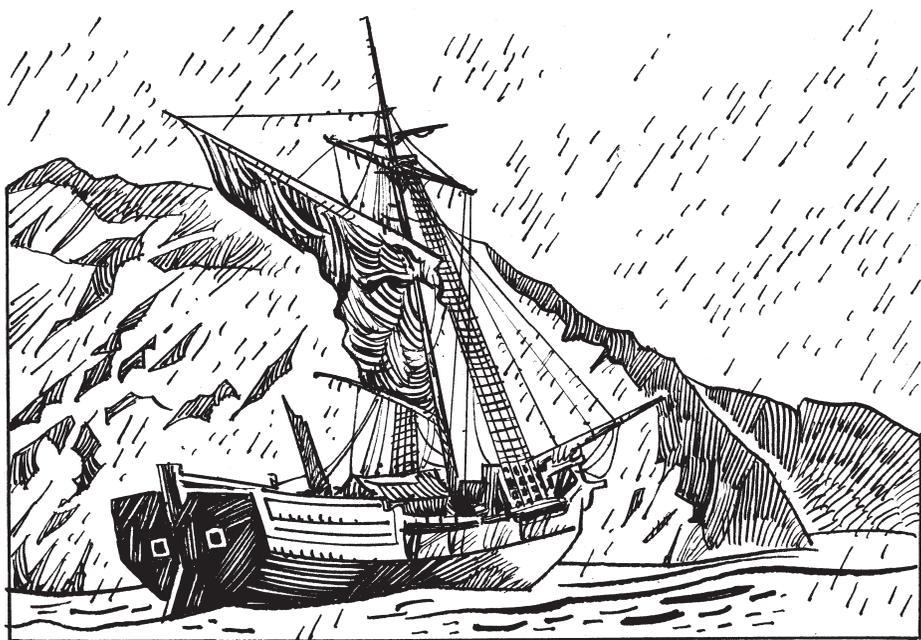
Матрос захохотал:

— Тебе чего здесь надо?

— А что у вас есть? У меня соболя... Порох есть?

Соболя у нас ходили как деньги, и я знал, что на кораблях за них дают хорошую цену. На этот раз мне не повезло.

— Какого тебе пороху? — закричал матрос. — Не видишь разве, что у нас делается? Почти весь груз пропал, без хлеба зиму будете сидеть. И корабль-то едва уцелел...

И он тут же положил топор и принялся мне рассказывать о тех приключениях, которые выпали на его долю за последнюю неделю. Прежде всего я узнал, что он охотский казак и фамилия его Андреянов. Плавать он начал недавно и в морском деле понимал, должно быть, немного больше моего.

— Погрузили, значит, братец ты мой, — начал он после этого предисловия, — в Охотске соль, муку для большеерецкого острога да пятерых ссыльных нам дали в придачу, чтобы сюда завезть. Вышли в море, поднялся ветер с норда. Начал он нас трепать. Сильная волна хлещет через корабль. Палуба и обмёрзла. Ядра по кораблю, как горох, катаются. Капитан вышел пьяный, только рот раскрыл — бах! — с ног свалился и руку сломал. Стал подниматься, опять упал, сломал ногу. Унесли мы его в каюту, а буря ещё сильнее. Не знаем, что делать. Штурманы, будь им неладно, спорят, а команды не дают. Я, конечно, думал, что гибель наша пришла, родителей поминать стал. Вдруг — трах! — задняя мачта упала. Что ты будешь делать? Выходит тут из каюты ссыльный один, поляк, из тех пятерых. «Сто пятьдесят ведьм! — говорит. — Вы что же, погубить нас хотите?» Мы говорим: «К тому дело клонится». Сошёл он к капитану в каюту, поговорил с ним вполголоса, выходит на палубу с рупором. Вышел на палубу да как закричит: «Тысяча ведьм! Убирай паруса! Руль на зюд — и больше никаких!..» Видим мы, что в морском деле он понимает и ругается не хуже капитана. Подобрали паруса, как он

приказал. Два дня мотались. А на третий день и земля показалась.

— Камчатка? — спросил я.

— Какой там! Сахалин. Отнесло нас в другую сторону.

Но все живы остались.

— А как поляка звать?

— Август Беспокойный. Хотел он, значит, у Сахалина отстояться, да капитан не разрешил. «Держите, — говорит, — на норд». Август положение определил, поправили мы груз и потащились через море черепашьим шагом. Так и дошли.

Рассказ матроса мне понравился. Я уже предвкушал, как расскажу его Ваньке Устюжинову. Особенно меня заинтересовала личность таинственного поляка. Я огляделся по сторонам и тихо спросил:

— А где же поляк-то этот? Убежал, что ли?

— Нет, не убежал. На берег их всех спустили, в сторожку. К коменданту повезут, как лодка придёт из крепости. Даст ему Нилов рублей сто за геройство...

— Офицер он?

— Сказывают, генерал...

О генералах я тогда ещё ничего не слышал. Не знал даже твёрдо, что это значит. Хотелось, конечно, расспросить матроса, да времени не было. Чтобы закрепить приятельские отношения с Андреяновым, я вынул пригоршню кедровых орехов из кармана:

— Держи.

Андреянов взял орехи.

— Сказывают, что в бою его забрали в плен, — продолжал он свой рассказ. — На одну ногу припадает — должно, ранен...

Но мне уже некогда было слушать дальше. Я спросил деловым тоном:

— А сахарку у вас не найдётся?

— На мену нет. Тебе один кусок дам.

Пошарил в карманах и вытащил обгрызенный кусок сахара.

— Больше нет, подмок.

Я поблагодарил и начал прощаться.

— Заезжай ещё, как посвободнее будет, — сказал мне Андреянов на прощанье. — Будем трюм разбирать, может, и порох найдётся...

— Ладно, приеду. Спасибо на приглашении...

Я спустился в лодку по тому же канату. Отец выругал меня за то, что я долго оставался на корабле и вернулся с пустыми руками.

— Нечего сказать, с толком сплавали! — буркнул он и принялся грести.

К нашему счастью, прилив начал подниматься, течение изменилось. Мы быстро поплыли назад.

Тут я увидел, что от берега отвалила крепостная шлюпка на шести вёслах. В ней сидели казаки и, должно быть, новые ссыльные. Я попросил отца подойти к ним поближе. Отец налёг на весло, и мы стали их догонять.

В это время со стороны Большерецка показалась байдарка с ссыльными офицерами. На носу стоял высо-

кий офицер Хрущёв, в белой кухлянке с длинным мехом по подолу, в какой камчадалы хоронят покойников. Он что-то кричал. Мы подошли ещё ближе и могли видеть всё, что происходит.

Хрущёв высоко поднял руку и закричал новым ссыльным:

— Привет! Какие новости в Европе?

— У кого спрашиваешь? — ответил ему конвойный казак. — Не видишь разве? Ссылные... Откуда им знать...

— Ссылные... Ура!.. — закричал Хрущёв.

— Ура! — подхватили офицеры.

Тогда один из новых вскочил на скамейку в шлюпке и крикнул:

— Две тысячи ведьм!.. В чём дело? Мы сюда приехали не для того, чтобы над нами издевались первые встречные...

У этого человека было обветренное худое лицо, поросшее светлой бородой. Но голос его звучал крепко. Никаких сомнений не могло быть в том, что это и есть Август Беспокойный. Как раз ведьмами угощал он матросов среди бури.

— Не обижайтесь на нашу радость, — сказал Хрущёв, когда байдарка и шлюпка встретились. — Мы ваши товарищи по несчастью. Отсидите здесь с моё, поймёте наше «ура»...

— В таком случае приветствую вас! — сказал поляк и поднял руку.

Хрущёв продолжал:

— За что вы попали в наши места и кто вы такой?

— В прошлом — польский генерал, — отвечал поляк весело. — Когда нужно — капитан дальнего плавания. А в настоящий момент — раб русской императрицы. Но в обиду себя нигде не даю...

Байдарка и шлюпка сошлись вместе. Хрущёв пожал поляку руку и заговорил с ним быстро на каком-то незнакомом языке. Поляк ответил.

Я ровно ничего не мог понять из их разговора. Понял только, что они говорили не по-камчадальски и даже не по-китайски.

Их лодки шли медленно. Мы им срэзали нос и оставили их далеко позади.

У самого нашего селения на берегу торчала фигура Паранчина. Он начал радостно махать руками. Помог вытащить байдарку и справился о порохе. Отец ничего не ответил, предоставляя мне рассказать камчадалу о нашей поездке. Я это и сделал немедленно же, угостив Паранчина в придачу половиной сахарного куска.

Отец ушёл домой, а мы с Паранчиным остались на берегу. Он непременно хотел посмотреть новых ссыльных, а я должен был показать ему, который из них поляк. Скоро офицерская байдарка и шлюпка вышли из-за поворота.

Офицерская байдарка причалила к берегу недалеко от нас. А шлюпка с вновь прибывшими пошла дальше, к Большерецку. Начинались сумерки, и шлюпка пропала в серовой мгле. Паранчин едва разглядел Августа Беспокойного.

Так впервые я увидел человека, который сыграл в моей жизни большую роль. С этого дня всё переменялось в нашем Большерецке. Новости начали возникать так стремительно, как будто за их изготовление принялся сам Паранчин. Тихая жизнь наша была потрясена до самого основания.

Начать с того, что на другой же день в полдень к нам в избу вломился как безумный Ванька Устюжинов. Он сел на лавку, отдышался, потом вскочил и заорал:

— В Большерецке открывается школа!..

Дальше он, захлёбываясь, сообщил, что в школе будут учить не только грамоте, но и геометрии и географии. Устраивает школу пленный поляк, которого зовут не Август Беспокойный, а Август Беспойск. И что Нилов приказал начать занятия не позже как через неделю.

Из этого сообщения я прежде всего понял, что поляк мог быть при нужде не только капитаном дальнего плавания, но и учителем и что, таким образом, приезд его в наши края касается и меня.

3. Новые дела

Мы вышли с Ванькой на двор, и тут он мне более подробно рассказал всё, что узнал о новом приезде и его планах.

Беспойск был польским помещиком и имел двойное имя — Морис-Август. Ему было двадцать пять лет, когда родные оттягали у него имение и он решил сделаться моряком. В немецком городе Гамбурге он изучал мореплавание и уже собирался плыть в Индию, когда поляки у него на родине составили заговор — конфедерацию, — чтобы прогнать своего короля. Беспойск решил примкнуть к заговору, приехал в Варшаву, дал присягу на верность конфедератам и получил командование над кавалерийским отрядом. Русская императрица вступилась за польского короля, и Беспойск несколько раз дрался с русскими. В конце концов он был ранен в сражении и попал в плен. В кандалах его отправили в Киев, а оттуда в Казань, в ссылку. Однако он недолго пробыл в Казани. Вместе с пленным шведом Винбландом он бежал оттуда, переодевшись в форму русского офицера. Добрался до Петербурга, чтобы уплыть за границу на корабле. Но капитан корабля, голландец, донёс об их планах тайной полиции. Ночью, когда Беспойск и Винбланд усаживались в шлюпку на Неве, их арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. Потом в наказание за побег тайный суд приговорил их к вечной ссылке на Камчатку. Поэтому оба они к нам и приехали.

Всё это Ванька рассказал мне со слов своего отца, который часто бывал у Нилова. Ванька добавил, что Нилов принял Беспойска очень любезно, благодарил за спасение корабля, оставил обедать и за обедом велел рассказать всю свою жизнь. Когда Нилов узнал, что Беспойск

знает языки и географию, он просил заниматься этими предметами с его сыном Васькой. Беспойск согласился, но тут же попросил разрешения открыть школу для всех желающих. Нилов вызвал купцов, и один из них, богач и самодур Казаринов, обещал пожертвовать леса на школу. Остальные пообещали поддержать гвоздями. Так что теперь, значит, всё дело за постройкой избы для школы.

— Так-то так, — сказал я, подумавши. — Школа — это великое дело. Но позволит ли мне Нилов в ней учиться?

— А почему не позволит? — спросил Ванька.

— Потому не позволит, что я сын ссыльного.

— Что ж такого, что сын. Сам ты свободный человек. А потом, раз ссыльный будет учителем, почему тебе не учиться?

— Это верно, — поспешил я согласиться. — Но вот ещё в чём дело: сколько он будет брать за ученье? Если деньгами, ничего не выйдет. Вот если шкурками, тогда я ему настреляю. Да и теперь у меня есть две лисы-огнёвки.

— Конечно, от шкурок поляк не откажется. Ему шуба нужна, — уверенно заявил Ванька. — А за меня отец обещал платить...

Разговаривая о школе, мы медленно шли по дороге в Большерецк, а потом повернули назад. Ванькин отец запретил ему знаться со мной, и мы встречались потихоньку.

Тут мы услышали, что сзади нас едет собачий поезд. Слышно было, как закричали на собак и разговаривали.

Мы остановились, чтобы посмотреть, кто едет. Скоро собаки поравнялись с нами. Впереди на нарте ехал Беспойск, уже без бороды, и в руках у него была большая пила. Вместе с ним сидел седой старик. На второй нарте ехали тоже двое. Один плохо говорил по-русски — должно быть, это был Винбланд. А другой кричал и бил по собакам. Кто это был такой, я не знал.

Собачий поезд остановился у избы Хрущёва, и ссыльные слезли с нарт. Сам Хрущёв вышел к ним навстречу и пригласил войти. Мы постояли невдалеке, посмотрели, а потом я пошёл провожать Ваньку. Дорогой ещё встретился нам один из новых. Он спросил нас, где изба Хрущёва. Мы ему показали, и он пошёл, покачиваясь, и песню запел:

Батюшка богат, черевички купил.

Мы догадались, что он пьян.

Отец долго не было дома в тот день. Он ходил на охоту и вернулся к ночи. Принёс только одного горноста, бросил его вонючую шкурку в угол и ничего не стал говорить. Я понял, что он обозлён своей неудачей, и не стал лезть к нему с разговорами.

Укладываясь на свою медвежью шкуру, которая служила мне постелью, я почему-то старался убедить себя, что никакой школы не будет в Большерецке. После ухода Ваньки я решил, что всё равно учиться мне не придётся. Я уже готов был заснуть, как в раму сильно постучали. Солдат за окном закричал:

— Полозьев, завтра в шесть выходи на работу в крепость. Топор с собой возьми и лопату.

Отец ответил:

— Ладно.

И принялся ворчать, что, мол, скоро Новый год, меха требуют в канцелярию, а на охоту ходить не дают. А я понял, что вызывают его на постройку школы. Значит, школа всё-таки будет? Неужели не попаду?

С такими печальными мыслями я заснул.

На другое утро отец рано ушёл в крепость. Велел мне принести обед, если днём домой не вернётся. Так и случилось — он не пришёл. Я собрал рыбы, сухарей и пошёл в Большерецк.

На месте постройки народу было человек двадцать. Даже казаки работали и офицеры — расчищали снег. Солдаты подтаскивали стволы лиственниц для сруба. В Большерецке тогда было всего три лошади, и их очень

берегли. Поэтому и брёвна таскали люди. Нилов, очевидно, очень торопился с постройкой. Сержант из крепости наблюдал за работами и сильно ругался, когда кто-нибудь останавливался передохнуть.

Отец взял у меня еду и велел идти домой. Он не любил, когда в избе нашей никого не было.

Вечером отец вернулся с работы очень усталый. Серdito бросил топор в угол, сел на лавку, сказал:

— Да, брат, построят школу, да не для нас. Пять с полтиной будут брать в месяц за учение...

И принялся ужинать.

Я, конечно, не смел и заикнуться о моём желании ходить в школу. Пять с полтиной — ведь это было девять собoley!

Ночь эта была бурная. Ветер с Ледовитого океана гнал снег и за окном подвывал как собака. Мне всё время казалось, что к избе кто-то подъезжает. Я никак не мог заснуть и ворочался. Отец сидел около плошки с жиром и чинил торбаса. Огромная тень сапога колыхалась на стене и на потолке. Отец затыгивал зубами жилу, когда в дверь тихо постучали.

— Стучат. Неужели Паранчин в такую пору? — сказал отец неразборчиво. — Открой, Лень.

Я завернулся в своего медведя, прошёл к двери и отодвинул засов. Два человека в шубах стояли за порогом. Они быстро вошли и отряхнули с себя снег. Удивление меня взяло: это были офицер Хрущёв и Август Беспойск.

— Мы к вам, Степан Иванович, — сказал Хрущёв отцу, как старинный приятель. — Хотя и мало знакомы, а соседи всё-таки. А это наш новый товарищ по несчастью — Август Самойлович Бенёв.

Отец смущённо встал и не знал, что говорить. Тогда Беспойск протянул ему руку и сказал бодро:

— Можете вы идти с нами? По очень важному делу.

Отец отрицательно покачал головой:

— У меня починка, сапоги развалились. И завтра рано вставать на работу.

— Будто?

И Беспойск на ухо прошептал ему что-то. Отец долго смотрел на него, потом усмехнулся и начал надевать кухлянку.

— Запрись, Лёнька, — сказал он мне тихо, — и никого не пускай. Я скоро вернусь.

И они ушли все трое, больше не сказав ни слова. Отец даже топора с собой не захватил. Поэтому я догадался, что важное дело затевается где-то недалеко.

4. Школа

Я ждал отца чуть ли не до утра. Несколько раз подливал жиру в плошку, всё думал, вот-вот стукнет он в дверь. Но только ветер гулял на дворе да сыпал сухим снегом в оконную раму. Я начал даже беспокоиться.